

# РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

## АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРА ОРЛОВСКОГО КРАЯ

С.Р. Туманова

Российский университет дружбы народов  
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье впервые рассматриваются вопросы взаимодействия художественных миров А.Т. Твардовского и писателей Орловского края. Близость к мировосприятию И.А. Бунина, интерес к творчеству И.С. Тургенева позволяют говорить о глубине творческих связей Твардовского с писателями Орловщины в понимании смысла жизни, в ощущении природы, в любви к малой родине и ее природе.

**Ключевые слова:** И.А. Бунин, И.С. Тургенев, малая родина, природа, жизнь, смерть, детали, звуки, запахи, язык, философия.

Жизнь и творчество Александра Трифоновича Твардовского многими своими сторонами перекликаются с жизнью и творчеством писателей разных времен, различных творческих устремлений. С одними жизнь сводила его лично, с другими он не мог встретиться по причине их несовпадения во времени, однако относился к ним с большим интересом, с третьими он был близок духовно всю жизнь. Особое место в этом ряду занимают писатели Орловщины.

Иван Алексеевич Бунин, как известно, своим отзывом о поэме «Василий Теркин» утвердил Твардовского в русской литературе. Вот что пишет он Н.Д. Телешову 10 ноября 1947 года: «...я только что прочитал книгу А.Т. Твардовского („Василий Теркин“) и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенно народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова! Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже это можно будет простить ему за „Теркина“» [1. С. 282].

Духовное родство Твардовского с таким писателем, как Бунин, мы обнаруживаем в глубинных основах их жизненной философии. Не случайно на протяжении всей жизни Твардовский обращается и к творчеству, и к эпистолярному, пуб-

лицистическому, мемуарному наследию этого писателя. В «Рабочих тетрадях» мы находим россыпи прямых и косвенных высказываний о личности и творчестве Бунина. Известно и не один раз высказанное Твардовским сожаление о том, что он не ответил Бунину: «Он мне словно с того света прислал привет, — говорил Александр Трифонович, а я по какой-то непостижимой причине словом ему в ответ не обмолвился», — вспоминал А.И. Кондратович [2. С. 244].

Это упущение Твардовский восполнил тем, что посвятил Бунину одну из своих самых значительных и объемных критических работ — статью «О Бунине», история написания которой отражена в «Рабочих тетрадях» и может составить основу для отдельного исследования. Она была написана и опубликована в 1965 году сначала в журнале «Новый мир» № 7, а затем в качестве предисловия к собранию сочинений Бунина в девяти томах в первом томе, вышедшем в том же 1965 году.

Твардовский высоко ценил творчество Бунина и открыто признавал его влияние на свое творчество: «В моей собственной работе, — писал он, — я многим обязан И.А. Бунину, который был одним из самых сильных увлечений моей юности» [3. С. 59]. Можно вспомнить и те усилия, которые предпринимал Твардовский для возвращения наследия Бунина из эмиграции. Подробно об этом пишет А.К. Бабореко в книге воспоминаний «Дороги и звоны»: «Твардовский вложил немало своих сил и своего ума» [4. С. 98].

Оказывается близок Твардовскому Леонид Николаевич Афонин — писатель, литературовед, театральный критик. По крайней мере, два года они были однокашниками по учебе в Московском институте истории, философии и литературы — знаменитом ИФЛИ, который был одним из самых престижных вузов Москвы того времени. В 1936 году Твардовский стал студентом ИФЛИ, куда перевелся на четвертый курс с третьего курса Смоленского педагогического института и окончил его в 1939 году. Афонин ценил и любил Твардовского. Особенно драгоценно, что рассказ «Когда вы будете в Спасском...» о малой родине Тургенева — Спасском-Лутовинове — Леонид Николаевич начал словами Твардовского о родине большой и малой: «Вспомните, — пишет Афонин, — глубоко верное, согретое теплотой патриотизма суждение Александра Твардовского „О родине большой и родине малой“: „У большинства людей, — писал великий поэт, — чувство родины в обширном смысле, — родной страны, Отчизны — дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей — пусть самой скромной и непритязательной — красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и — в великом целом своем — для всех одна.

Для всякого художника, в особенности художника слова, писателя, наличие этой малой, отдельной и личной родины имеет огромное значение...

В творениях подлинных художников мы безошибочно распознаем приметы их малой родины. Они принесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, тульские, приднепровские, волжские и заволжские, степные и лесостеп-

ные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка“» [5. С. 5].

Твардовский не оставил без внимания и творчество Ивана Сергеевича Тургенева. В «Рабочих тетрадях» Твардовского, которые он вел всю жизнь, можно найти размышления о Тургеневе и его произведениях.

Так, в размышлениях о своем 50-летию (Твардовский был очень чувствителен ко всему, что касается возраста, времени, смерти) он вспоминает слова Тургенева о том, что «после 50 лет, в сущности, живешь уже в осажденной крепости, которая так или иначе должна быть не в далеком будущем сдана». Развивая этот образ, Твардовский высказывает мысль о том, что «его и нет, такого времени, когда крепость не осаждена» [6. С. 186] «Думайте о том, как отредактироваться, округлиться, по одежке протягивать ножки», — говорит он, хотя и как всегда с иронией, о напряженности жизни, о необходимости постоянной защиты не только своего возраста, но и своих убеждений. И это свидетельство того, как внимательно относился Твардовский не только к художественному творчеству Тургенева, но и к его внутреннему миру.

Твардовский в своих дневниках часто упоминает «Записки охотника». Одна из сторон этой книги оценивалась им в связи с анализом жанра рассказа у Бунина. Отдавая должное Бунину «в развитии им и доведении до высокого совершенства чисто русского и получившего всемирное признание жанра рассказа или небольшой повести», особенно в том, пишет он, что, «возникнув из живой жизни, конечно, преображенной и обобщенной творческой мыслью художника, эти произведения русской прозы в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли, и раствориться в ней, оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их, для додумывания, „доследования“ затронутых в них человеческих судеб, идей и вопросов», он признает „ближайшим классическим образцом его“ „Записки охотника“» [6. С. 186]. Здесь надо сказать о том, что это была проблема не только жанра рассказа. Произведения самого Твардовского, как прозаические, так и стихотворные, представляют образцы такого растворения в жизни. Вспомним еще раз восторженные слова Бунина: «...какой необыкновенно народный, солдатский язык». То же можно сказать о поэме «Дом у дороги», которая своей незавершенностью сюжета выводит повествование в живую жизнь, и о медитативной, философской поздней лирике, которая становится потоком сознания, вытекающим из жизни и возвращающимся в нее, но при этом обогащенным душой поэта.

Твардовский прямо говорит о значении «Записок охотника» не только как художественного произведения, но и как свидетельства своего времени: «Непреодоляющая художественная ценность „Записок охотника“, — утверждает он, — в том, что автор в них менее всего рассказывает о собственно охотничьих делах и не ограничивается описаниями природы. Чаще всего только по возвращении с охо-

ты — на ночлеге — или по пути на охоту происходят те встречи „охотника“ и волнующие истории из народной жизни, которые стали таким незаменимым художественным документом целой эпохи» [3. Т. 5. С. 83].

Твардовский, как известно, высоко ценил возможности русского языка и сам был носителем прекрасной речи, выливавшейся в стихи. И в шутку и всерьез напишет он в последних строках своей великой поэмы «Василий Теркин»:

Пусть читатель вероятный  
Скажет с книжкой в руке:  
— Вот стихи, а все понятно  
Все на русском языке... [7. Т. 2. С. 33].

В статье о Бунине Твардовский отдает дань уважения писателям Орловщины: «Бунин родился, вырос и определился как художническая натура „в том плодородном Подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, где благодаря этому образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым“», — цитирует он «Автобиографические заметки» Бунина [3. Т. 5. С. 82]. И далее: «Язык Бунина это язык, сложившийся на основе орловско-курского говора, разработанный и освященный в русской литературе целым созвездием писателей — уроженцев этих мест. Язык этот не поражает нас необычностью звучания — даже местные слова и целые выражения выступают в нем уже узаконенными, как бы искони присущими русской литературной речи. И мы, читатели, уроженцы иных областей, обычно с трудом расстающиеся с привычными с детства словечками и предложениями родных мест и с неприязнью относящиеся к замене их иными, порожденными в другой языковой стихии, легко принимаем особенности речи Бунина, густо, как у Тургенева и у Толстого, пересыпанной областническими словами» [3. Т. 5. С. 96].

Но более всего сближает великих писателей то самое чувство родины, о котором они писали и которое было заложено в их произведениях, дневниках и письмах. И прежде всего в изображении природы. Они умели проникать в ее тайны, и тогда образы природы сливались с образом родины.

Мы помним знаменитые строчки из повести Тургенева «Ася» о запахе конопли, вызвавшем у героя глубокое чувство тоски по родине: «Помнится, я шел домой, ни о чем не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней.

Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. „Что я здесь делаю, зачем таскаюсь в чужой стороне, между чужими?“ — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение» [8. Т. 7. С. 85].

Такое глубокое восприятие природы было свойственно и Твардовскому.

В первые дни Великой Отечественной войны (а Твардовский выехал по назначению из Москвы 25 июня вместе с другими писателями в качестве литератора

редакции газеты Киевского Особого военного округа «Красная Армия») Твардовского волновало несоответствие, контраст между красотой и покоем природы и жестокостью войны, контраст между жизнью и смертью: с одной стороны, беженцы, судьба которых неизвестна и, скорее всего, жестока, с другой — поля цветущей пшеницы: «Как поразил меня запах в открытом поле, вдалеке от каких-либо садов или пчельников, — густой медовый запах, исподволь сдобренный еще чем-то вроде мяты» [3. Т. 4. С. 230]. Можно отметить, что даже слово «поразил», которое использует Твардовский для того, чтобы передать свои ощущения, совпадает с тургеневским.

Твардовский у Бунина также отмечает «обонятельное впитывание мира в себя». «О запахах в стихах и прозе Бунина, — отмечает он, — стоило бы написать отдельно и подробно — они играют исключительную роль среди других его средств распознавания и живописания мира сущего, места и времени, социальной принадлежности и характера изображаемых людей» [3. Т. 5. С. 87]. Одним из самых любимых Твардовским рассказов Бунина были «Антоновские яблоки»: «Исключительно „душистый“, элегически-раздумчивый рассказ „Антоновские яблоки“ как бы непосредственно навеян автору запахом этих плодов осеннего сада, лежащих в ящике письменного стола в кабинете с окнами на шумную городскую улицу. Он полон этих яблочных запахов «меда и осенней свежести» и поэзии прощания с прошлым, откуда лишь доносится старинная песня подгулявших „на последние деньги“ обитателей степных захолустных усадеб» [3. Т. 5. С. 87]. В одном из своих стихотворений Твардовский вспоминает этот образ с целью усиления контраста доброй осени и страшного события: вхождения наших войск в Чехословакию в 1968 году, о котором он много и тяжело думал в эти дни.

В чем хочешь человечество вини  
И самого себя, слуга народа,  
Но ни при чем природа и погода:  
Полны добра перед итогом года,  
Как яблоки антоновские, дни.

Безветренны, теплы — почти что жарки,  
Один другого краше, дни-подарки  
Звенят чуть слышно золотом листвы  
В самой Москве, в окрестностях Москвы  
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.

Перед какой безвестною зимой  
Каких еще тревог и потрясений  
Так свеж и ясен этот мир осенний,  
Так сладок каждый вдох и выдох мой? [7. Т. 3. С. 198].

Для Твардовского важно, что «Бунин, — как он пишет, — слышит и запоминает еще множество запахов, свойственных, так сказать, историческому времени, эпохе. Это запахи веничков из перекасти-поля, которыми в старину чистили платье; плесени и сырости нетопленного барского дома; курной избы; серных спичек и махорки: вонючей воды из водовозки; москательных товаров, ванили и рогожи в лав-

ках торгового села; воска и дешевого ладана; каменноугольного дыма в хлебных степных просторах, пересеченных железной дорогой... А за выходом из этого деревенского и усадебного мира в города, столицы, за границы и далекие экзотические моря и земли — еще множество других разительных и памятных запахов» [3. Т. 5. С. 87].

Еще одна особенность поэтики Бунина, близкая Твардовскому, отмечается им в статье: «По части красок, звуков и запахов, «всего того, — выражаясь словами Бунина, — чувственного, вещественного, из чего создан мир», предшествующая и современная ему литература не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков» [3. Т. 5. С. 86]. Известна зоркость поэтического взгляда и самого Твардовского.

Вспомним хотя бы описание из поэмы «Дом у дороги», которое служит контрастом трагедии начавшейся войны:

Трава была травы добрей —  
Горошек, клевер дикий,  
Густой метелкою пырей  
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,  
Кряхтя, вздыхая сладко.  
И сам подслушивал себя,  
Когда звенел лопаткой.

Таков завет и звук таков,  
И по косе вдоль жала,  
Смывая мелочь лепестков,  
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,  
Ложился, взбитый пышно,  
И непросохший сонный шмель  
В покосе пел чуть слышно [7. Т. 2. С. 337].

Твардовский видит особый смысл в вечности природы и в самом природном цикле: «Из всех ценностей того уходящего мира оставалась прелесть природы, менее заметно, чем общественная жизнь, изменяющейся во времени и повторяемостью своих явлений создающей иллюзию „вечности“ и непреходящести, по крайней мере, хоть этой радости жизни. Отсюда — особо обостренное чувство природы и величайшее мастерство изображения ее в поэзии Бунина» [3. Т. 5. С. 85].

Философские размышления Твардовского, особенно последних лет, о смысле жизни и смерти, о роли памяти также связаны с мыслями о творчестве Бунина. Важной частью творчества Твардовского становится мотив памяти, который не только воплощается в его стихах о войне, но и постоянно присутствует в лирических размышлениях о детстве, о прожитой жизни и связанных с ними образах природы. «Бунин, — пишет он, — не просто мастер необычайно точных и тонких запечатлений природы, он великий знаток „механизма“ человеческой памяти, в любую пору года и в любом нашем возрасте властно вызывающий в нашей душе

канувшие в небытие часы и мгновения, сообщающий им новое и новое повторное бытие и тем самым позволяющий нам охватить нашу жизнь на земле в ее полноте и цельности, а не ощущать ее только быстрой, бесследной и безвозвратной пробежкой по годам и десятилетиям...» [3. Т. 5. С. 86].

Перечисляя все те образы, которыми так насыщены художественные произведения Бунина, Твардовский завершает размышления: «Все это приобретает для нас натуральность и остроту лично пережитых мгновений, щемящей сладости личного воспоминания» [3. Т. 5. С. 85]. И, что еще более важно, делает вывод о смысле человеческой жизни: «Собственно, с этой способности к таким мгновенным, но памятным переживаниям начинается человек с его способностью любви к жизни и к людям, к родной земле и самоотверженной готовностью сделать для них что-то нужное и хорошее» [3. Т. 5. С. 86].

Твардовский писал статью о Бунине в тяжелый период своей жизни. 1965 год был годом подведения итогов десятилетней деятельности журнала «Новый мир» и все усиливавшихся гонений на журнал, это был и год смерти матери Твардовского. Его записи в «Рабочих тетрадях» поражают мужеством и силой жизни и пониманием своего предназначения, и глубиной страдания. «Понедельник, — пишет он, — день, когда предположительно должно быть известно, что со статьей, с ж<урналом>, со мной и др.» [9. С. 306].

Потрясает следующая за этим запись: «Все нависло — должно рухнуть в том или ином смысле. — Читаю Бунина» [9. С. 306]. В этом и неразрывная связь Твардовского с любимым писателем, о котором он думает всю жизнь.

«Мы слышим в вечности друг друга и различаем голоса», — напишет Твардовский о духовной связи со всеми настоящими и будущими поколениями.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. — М., 1973. — С. 637 [Цит. по кн.: Романова Р.М. Александр Твардовский. Труды и дни. — М., 2006.
- [2] Кондратович А.И. «Ровесник любому поколению». — М., 1984.
- [3] Твардовский А.Т. О Бунине // Собр. соч. в 6 т. Т. 5. — М., 1976.
- [4] Бабореко А.К. Дороги и звоны. — М., 1993.
- [5] Афонин Л.Н. Рассказы литературоведа. — Тула, 1979.
- [6] Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей (1953—1960) // Знамя. — 1989. — № 9.
- [7] Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 т. — М., 1976.
- [8] Тургенев И.С. Ася // Собр. соч. в 28 т. — М.; Л., 1964.
- [9] Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961—1966. — М., 2009.

## LITERATURA

- [1] Literaturnoe nasledstvo. T. 84, kn. 1. — M., 1973. — S. 637 [Tsit. po kn.: Romanova R.M. Aleksandr Tvardovskij. Trudy i dni. — M., 2006.
- [2] Kondratovich A.I. «Rovesnik lyubomu pokoleniyu». — M., 1984.
- [3] Tvardovskij A.T. O Bunine // Sobr. soch. v 6 tt. — M., 1976.
- [4] Baboreko A.K. Dorogi i zvony. — M., 1993.
- [5] Afonin L.N. Rassказы literaturoveda. — Tula, 1979.

- [6] *Tvardovskij A. T. Iz rabochikh tetradj (1953—1960) // Znamya. — 1989. — № 9.*  
[7] *Tvardovskij A. T. Sobr. soch. v 6 t. — M., 1976.*  
[8] *Turgenev I. S. Asya // Sobr. soch. v 28 t. — M.; L., 1964.*  
[9] *Tvardovskij A. T. Novomirskij dnevnik. V 2 t. T. 1: 1961—1966. — M., 2009.*

## **ALEXANDER TVARDOVSKY AND THE ORYOL REGION LITERATURE**

**S.R. Tumanova**

Peoples' Friendship University of Russia  
*Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article suggests the first discussion of the issues of interaction between the art world of A.T. Twardowski and that of the Oryol region writers. Closeness to the world view of I.A. Bunin, creativity I.S. Turgenev allows to talk about the depth of creative ties between A.T. Twardowski and the Orel region writers in understanding the meaning of life, the feeling of nature, love to the small native land and its nature.

**Key words:** I.A. Bunin, I.S. Turgenev, small Motherland, nature, life, death, details, sounds, smells, language, philosophy.